

АНТОН АНТОНОВИЧ ПЛАНСОН

**Последнее слово о польском
вопросе в России**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А72

A72 **Антон Антонович Плансон**
Последнее слово о польском вопросе в России / Антон Антонович Плансон –
М.: Книга по Требованию, 2013. – 72 с.

ISBN 978-5-458-13666-2

Последнее слово о польском вопросе в России. Печатано как рукопись.
Лейпциг: в типографии Бера и Германна, 1868.

ISBN 978-5-458-13666-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО

о

ПОЛЬСКОМЪ ВОПРОСѢ ВЪ РОССІИ.

Изучивъ политическое настроеніе жителей западнаго края и разсмотрѣвъ мѣры принятыя въ немъ до послѣдняго времени правительствомъ, мы пришли къ убѣжденію что до сихъ поръ, не было сдѣлано почти ни одного шага къ обезпеченію Россіи и Европы отъ непрерывныхъ волненій въ западномъ краѣ нашемъ и отъ революцій, размѣры которыхъ постоянно увеличиваются и которыя въ слѣдствіе новаго настроенія общественнаго мнѣнія въ Европѣ принимаютъ болѣе серьезный видъ.

А потому мы считаемъ необходимымъ подробно разсмотрѣть всѣ источники, изъ которыхъ полонизмъ почерпаетъ свои силы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Главная опора польской національности въ Россіи.

Самый щекотливый вопросъ въ польскомъ дѣлѣ, это вопросъ религіозный.

Къ сожалѣнію путемъ этимъ, равно какъ и почти всѣми другими, русское дѣло мало подвинулось впередъ,

Присоединеніе къ православної церкви дѣтей раждающихся отъ смѣшанныхъ браковъ, въ невѣжественномъ крестьянскомъ сословіи, при православномъ духовенствѣ, состоящемъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ, бывшихъ уніатовъ, не имѣло никакого вліянія на вкоренившійся полонизмъ; въ среднемъ же и высшихъ классахъ оно породило весьма вредныхъ русскому дѣлу православныхъ поляковъ, которые какъ и дѣти уніатовъ, не только не сдѣлались русскими, но напротивъ стараются всѣми силами смыть, въ глазахъ вліятельнаго польскаго населенія, наложенное на нихъ пятно православія.

Рѣшеніе религіознаго вопроса въ смыслѣ полной вѣротерпимости, но вмѣстѣ съ тѣмъ и совершеннаго государственнаго единства, можетъ сильно содѣйствовать водворенію руссизма въ западномъ край и прекращенію того изолированнаго положенія, которое католики занимаютъ въ Россіи и въ слѣдствіе котораго они чувствуютъ себя и называютъ, не русскими. —

Екатерина Великая, Александръ, Николай и Александръ Николаевичъ до второй половины 1863 года провели западный край чрезъ цѣлую гамму опытовъ, но всѣ они оказались безуспѣшными. Въ слѣдствіе этого, со второй половины 1863 года, мудрый Монархъ нашъ, не оставившій не затронутымъ почти ни одинъ изъ вопросовъ, касающихся благосостоянія и чести государства, рѣшился покончить и съ польскимъ вопросомъ, потрясающимъ Россію отъ временъ самозванцевъ.

Для исполненія Высочайшей воли оказываются необходимыми особыя мѣры, и одна изъ самыхъ дѣйствительныхъ состоитъ въ введеніи того, что существуетъ во всей вселенной, а именно въ употребленіи при религіозныхъ обрядахъ католичества, латинскаго языка для догматовъ, а государственнаго для всего прочаго. Въ самомъ дѣлѣ, не странно ли, что въ Самарѣ, Нижнемъ, Одессѣ и Казани даже въ Москвѣ и Петербургѣ, католики состоящіе изъ всѣхъ народностей міра, кромѣ настоящихъ поляковъ, т. е., уроженцевъ бывшаго Царства Польскаго, которыхъ почти вовсе нѣтъ

въ Россіи, находя вездѣ священниковъ съ дѣтства получившихъ воспитаніе и нынѣ содержимыхъ на счетъ русскаго правительства, вынуждены слушать проповѣдь и Евангеліе, пѣть гимны, крестить дѣтей, вѣнчаться и даже молиться за гостепріимнаго царя, — на польскомъ языкѣ?

Мнѣ кажется что ни одинъ самый ярый повстанецъ, или папистъ не представитъ сколько нибудь логическихъ доказательствъ, почему католицизмъ несомѣстимъ съ русскимъ языкомъ, тогда какъ онъ безпрепятственно соединяется съ англійскимъ, нѣмецкимъ, китайскимъ и японскимъ языками. Латинскій языкъ принятъ всеми за догматическій, и я не оспариваю того, что принято всеми, но я нахожу себя въ правѣ оспаривать то, что не принято никѣмъ. Если въ Германіи католическая проповѣдь говорится по нѣмецки, въ Англіи по англійски, въ Китаѣ по китайски, въ Японіи по японски, то почему же въ Россіи не говорить ее по русски?

И на какомъ же языкѣ отъ Вреста до Камчатки, и отъ Ледовитаго моря до Чернаго, русскій народъ католическаго вѣроисповѣданія молится за царя, на какомъ же языкѣ произносятъ проповѣди долженствующія руководить русскимъ народомъ, крестятъ русскихъ подданныхъ, вѣнчаютъ русскихъ дворянъ, русскихъ чиновниковъ, русскихъ воиновъ и русскихъ крестьянъ? Если, къ удивленію стороннаго наблюдателя, не на русскомъ, то вѣроятно на языкѣ дружественнаго народа, облагодѣнствовавшаго Россію дарами своего образованія и климата, спасшаго Россію своимъ оружіемъ, своею кровью? Но не тутъ-то было, второй государственнѣйшій, офиціальнѣйшій языкъ въ Россіи, это языкъ Марини, приведшей въ Москву самозванца и на другой день послѣ коронаціи сказавшей: „плюю на русскій народъ“, хотя народъ этотъ возвелъ ее на престоль; это языкъ шляхты, которая спустя три столѣтія, въ 1863 году громогласно, во всеуслышаніе вселенной дерзнула сказать „плюю тебѣ въ лице русское дворянство“, это языкъ народа, который въ теченіи околѣ 300 лѣтъ непрерывно проливаетъ русскую кровь и уже сто лѣтъ, какъ, не смотря на то, что большинствомъ голосовъ

на сеймѣ 1772 года и торговицкою конфедераціею самъ добровольно слился съ Россіею, алчно, какъ ненасытимый вампиръ сосеть кровь ея; народа, который иступивъ окончательно мечъ свой въ 300 лѣтней паступательной на Россію войнѣ, сталъ жечь Россію, самымъ гнуснымъ путемъ, поддѣлкою государственныхъ бумагъ подрывать ея кредитъ и всеѣми мѣрами развращать русскіихъ.

Затрогивая вопросы, отъ которыхъ зависитъ цѣлость любезнаго отечества нашего, не можемъ не коснуться вопроса, почему во Франціи и Англии знаютъ о всякой только что родившейся мысли, могущей нарушить общественный порядокъ, а у насъ не знали, кто разметывалъ въ продолженіи болѣе года на пространствахъ нѣсколькихъ тысячъ верстъ сотни тысячъ золотыхъ грамотъ и разныхъ книжечекъ, кто болѣе года сожигалъ тысячи домовъ, доводилъ до нищеты тысячи семействъ и наконецъ не знали, что у насъ въ теченіи многихъ лѣтъ развивались люди, гнилой мозгъ которыхъ породилъ Каракозова: Мы полагаемъ, что пока полиція пишущая не будетъ отдѣлена отъ полиціи дѣйствующей и пока въ низшихъ и высшихъ полицейскихъ учрежденіяхъ всей Россіи будетъ, не только, какъ нынѣ, весьма крупная, но и самая ничтожная цифра шляхтичей, называемыхъ поляками, изъ которыхъ ни одинъ не предастъ Россіи, до тѣхъ поръ, судьба народа, государства и правительства будетъ зависѣть исключительно отъ случая, и, не умъ, предусмотрительность и полное сознаніе своего положенія, а „*Рука Всевышняго*“, пока она не утомится, будетъ спасать насъ и отечество наше отъ гибели, но мы съ ужасомъ убѣждаемся, что Рука эта начала утомляться и государство весьма еще не давно зашаталось отъ Финляндіи до Грузіи и сотни тысячъ люда, слѣпо вѣрующаго въ силу правительства, остались безъ крова и хлѣба, и наконецъ явилось 4е Апрѣля.

Пора твердо стать намъ на окрѣпшія ноги наши, потому что помочи, на которыхъ водила насъ „*Рука Всевышняго*“ уже стали слабы и не удержатъ насъ на краю бездны, вырытой врагами нашими, при нашемъ же содѣйствіи.

Шедо-Ферроти при первомъ словѣ о введеніи русскаго языка въ католическое богослуженіе старался увѣрить Европу, что предполагается введеніе инквизиціи, что полиція будетъ вмѣшиваться въ самыя сокровенныя семейныя дѣла и т. д. и т. д.; между тѣмъ, какъ это никогда не предполагалось, и вовсе не пужно; всякому католику должна быть предоставлена полная свобода молиться на любомъ языкѣ, хотя бы на китайскомъ и татарскомъ, по правительствомъ содержимые священники во время исполненія обязанностей, сопряженныхъ съ ихъ официальнымъ саномъ, должны обращаться ко всемъ католикамъ на общемъ государственномъ языкѣ, попятномъ для всѣхъ безъ исключенія находящихся въ Россіи. Внѣшняя обстановка католицизма должна быть русская на всемъ пространствѣ Россійской имперіи, иностранцы же могутъ имѣть свои церкви, какъ русскіе имѣютъ въ Парижѣ, французы въ Берлинѣ и Москвѣ.

Но еще весьма недавно нѣкоторые публицисты писали а лица имѣющія вліяніе на польскія дѣла доказывали и даже печатно, что необходимо присоединеніе всѣхъ католиковъ къ православію.

Желая только одного, а именно прекращенія польскаго вопроса въ Россіи, мы готовы согласиться на всякую мѣру, лишь бы она была, по крайней мѣрѣ, осуществима, а потому рассмотримъ предлагаемое средство, т. е., переходъ въ православіе прямо, безъ предварительнаго введенія русскаго языка въ католицизмъ.

Помѣщики, шляхта и бывшіе чиновники всего западнаго края, а также тѣ крестьяне, которые живутъ въ западной окраинѣ ковенской и виленской губерній, считаютъ себя чистыми поляками, и не щадя жизни всегда поддерживали все польское; къ этому пріучили ихъ съ колыбели и священникъ, который при польскихъ молитвахъ ввелъ ребенка въ христіанство, выучилъ первымъ молитвамъ и приготовилъ къ первой исповѣди на польскомъ языкѣ, и мать, которая отъ рожденія получила нравственное образованіе при тѣхъ же условіяхъ; это закрѣпилось за ними въ 1831, 1838 и

1848 годахъ, когда они принимали дѣятельное участіе въ возстаніяхъ; въ 1861 и 1862 годахъ они сознательно, съ разрѣшенія правительства и при его энергическомъ содѣйствіи, сдѣлались дѣйствительными поляками, а въ 1863, 1864 и 1865 они стали некупать свой полонизмъ дорогою цѣною и этимъ закалили его. Эти люди начинаютъ теперь вездѣ сталкиваться съ руссизмомъ и въ судѣ, и въ сельской управѣ, и въ лавкѣ и въ трактирѣ, они вездѣ встрѣчаютъ московщину и москалей. Землевладѣніе стало тоже принимать другой видъ, сотни фермъ переходятъ въ руки русскихъ чиновниковъ, а чрезъ нѣсколько лѣтъ значительная часть помѣщиковъ будетъ русскихъ, такъ что у польскаго помѣщика можетъ не быть другаго близкаго сосѣда, кромѣ русскаго, шляхтичу представится мѣсто управляющаго, или эконома только у русскаго, и крестьяне будутъ работать на мызѣ русскаго помѣщика. Національное чувство людей глубоко убѣжденныхъ, что они принадлежатъ къ польской націи, сильно страдаетъ и будетъ страдать все болѣе и болѣе. Въ безпокойствѣ они бросятся въ разныя крайности, они испробуютъ разныя хитрости, чтобы обойти врага, но они убѣдятся что вездѣ москаль, московщина и пугающій ихъ московскій языкъ.

Однакожь среди этого враждебнаго для псевдо-поляковъ лагеря, среди этой безвыходной для нихъ пустыни есть оазисъ сосредоточивающій все для нихъ родное, въ которомъ они находятъ все къ чему пріучили ихъ съ колыбели, все питающее и разжигающее въ нихъ полонизмъ: перешагнувъ порогъ католической церкви они вступаютъ въ совершенно другой міръ, въ этомъ общественномъ мѣстѣ не только имъ дозволено говорить между собою по-польски, но и офиціальное, правительствомъ поставленное и содержимое лице объявляетъ имъ о предстоящихъ бракахъ, постахъ, праздникахъ по-польски, разъясняетъ имъ ихъ обязанности, наставляетъ на томъ же языкѣ, въ случаѣ неурожая, недостатка или излишка дождей, эпидеміи или скотскаго падежа, разъясняется все къ тому относящееся на польскомъ же языкѣ, а за тѣмъ

весь народъ громогласно говоритъ и поетъ соответственныя молитвы то же по-польски, такъ, что уже не говоря о вечерняхъ, заутреннихъ, и другихъ чисто религиозныхъ обрядахъ совершающихся на польскомъ языкѣ, даже для этихъ житейскихъ, такъ сказать гражданскихъ, дѣлъ, знаніе польскаго языка необходимо, и находясь въ костелѣ нельзя не считать себя въ Польшѣ. Здѣсь всё надписанъ на стѣнахъ, всё писанныя и печатанныя объявленія польскія, здѣсь читаются сотни польскихъ книгъ и онѣ не исключительно служатъ къ разъясненію латинской обѣдни, напротивъ въ молитвенникахъ заключающихъ нѣсколько сотъ страницъ, едва нѣсколько посвящены ей; кромѣ того есть сотни книгъ приносимыхъ въ костелы, въ которыхъ вовсе не упоминается объ обѣднѣ, какъ то: подражаніе Іисусу Христу, размышленіе о жизни Спасителя и Богородицы, жизнеописаніе святыхъ, въ которыхъ рассказываются дѣянія не только на духовномъ, но и на политическомъ, преимущественно польскомъ поприщѣ разныхъ польскихъ святыхъ; наконецъ здѣсь всю недѣлю при многихъ ежедневныхъ обѣдняхъ нѣтъ и помину о русскомъ царѣ, его семьѣ и воинствѣ, о которыхъ имъ приходится постоянно слушать внѣ церкви, а если въ воскресенье послѣ совершеннаго окончанія послѣдней поздней обѣдни и прочитывается священникомъ, скороговоркою, молитва эта, то поляки всегда невыслушавъ ее, уходятъ изъ церкви, и домъ молитвы становится чрезъ это единственнымъ мѣстомъ, въ которомъ не воспрещено открыто, всенародно дѣлать демонстраціи и оказывать пренебреженіе къ государю и правительству. И такъ очевидно, что въ костелѣ полонизмъ обновляетъ свои силы и съ новою энергіею возвращается къ борьбѣ съ руссизмомъ, къ борьбѣ съ правительствомъ и съ историческими преданіями страны.

Неужели возможна мысль, что какая либо сила отторгнетъ этихъ поляковъ-самозванцевъ отъ этого единственнаго убѣжища, единственнаго хранилища полонизма, въ которомъ все осталось польское, все дышетъ вѣковою Польшею? — отторгнетъ отъ мѣста гдѣ официально употребляется

исключительно языкъ ихъ кормилицъ, матерей и школьныхъ товарищей, языкъ, на которомъ благословляли невѣсту, отпѣвали родителей, на которомъ они въ самыя торжественныя, умилительныя или роковыя минуты обращаются ко Всевышнему, неужели мыслимо, что они добровольно оставятъ все это, т. е., польскій католицизмъ и добровольно же сольются съ русскимъ православіемъ? —

Пока будетъ существовать этотъ возраждающійся источникъ полонизма, то:

а) помѣщики съ свойственною поляку-фанатику энергіею будутъ противостоять всѣмъ, самымъ насильственнымъ мѣрамъ и никто изъ нихъ не перейдетъ въ православіе. —

б) Хотя чиновниковъ-поляковъ въ западномъ краѣ уже мало, но ихъ много въ остальныхъ русскихъ губерніяхъ, гдѣ они пользуются популярностью и особымъ покровительствомъ высшихъ начальниковъ, гдѣ они строятъ и поддерживаютъ костелы со всѣми атрибутами полонизма. Въ мѣстностяхъ этихъ, не состоящихъ на военномъ положеніи, равно какъ въ Петербургѣ и Москвѣ, никто не рѣшится принять какую либо крутую мѣру къ присоединенію католиковъ къ православію.

в) изъ мелкой шляхты нѣкоторые бездомные, безродные примутъ православіе; перспектива Сибири или особыхъ привилегій можетъ пріобрѣсть еще нѣсколько прозелитовъ изъ ихъ среды, но большинство даже бездомной шляхты останется въ латинствѣ.

г) наконецъ крестьяне католики, — они раздѣляются на двѣ части: крестьяне большей части всей ковенской губерніи и западной окраины виленской, а отъ части и гродненской, какъ мы сказали выше, называютъ себя поляками, это народъ зажиточный, развитой и фанатическій, изъ нихъ даже самыми строгими мѣрами не пріобрѣтется для православія, при польскихъ костелахъ и сотой ихъ части. Крестьяне католики центральныхъ уѣздовъ, апатичиѣе и при тѣхъ же мѣрахъ пріобрѣтется положимъ десятая ихъ часть. И вотъ все что возможно достигнутъ, хотя примѣръ

прошлыхъ пяти лѣтъ, когда всѣ мѣры еще казались извинительны, сильно опровергаетъ наше исчисленіе. За этимъ же предѣломъ, пропаганда не сдѣлаетъ ни шагу, пока въ этомъ паразитномъ организмѣ, сердце будетъ чисто польское, пока изъ него жгучій полоизмъ будетъ распространяться по всѣмъ артеріямъ и проникать во всѣ сокровеннѣйшіе изгибы католическаго міра въ Россіи.

Но пускай будетъ введено употребленіе русскаго языка въ католическомъ храмѣ такъ, чтобы и при этомъ нововведеніи совершалось, говорилось и пѣлось все тоже, что существовало при польскомъ языкѣ, т. е., чтобы кромѣ обѣденъ, вечеренъ, процессій и проч. были и майскія и великопостныя молитвы и сопровождающія ихъ ежедневно, а иногда и по два раза въ день публичныя съ амвона наставленія, или такъ называемыя реколекціи и обученія во время которыхъ разбирается священное писаніе, объясняется катихизисъ и т. п., пускай все это совершается въ духѣ чисто католическомъ, но на русскомъ языкѣ, тогда будетъ отнятъ существенный, главный притонъ полоизма, костелъ не будетъ болѣе животворящимъ его источникомъ и совершенно потеряетъ свое политическое значеніе; полякующіе до такой степени будутъ отчуждены отъ всего польскаго и столь непосредственно примкнуты ко всему русскому, что если бы даже правительство когда либо серьезно пожелало присоединенія всѣхъ католиковъ къ православію, что впрочемъ сомнительно, то мѣра эта потребуетъ гораздо менѣе насилія, и желаніе тѣхъ, которые испремѣнно хотятъ видѣть всѣхъ православными, легче осуществится.

Заявленное нѣкоторыми опасеніе, что православные совертятся въ католичество если оно будетъ выражаться по-русски, не можетъ быть серьезнымъ, вѣдь же всѣ безъ исключенія православные западныхъ губерній знаютъ польскій языкъ лучше русскаго, однако жъ не совращались въ католичество. Нѣкоторые православные ходили въ костелъ и будутъ ходить, потому что въ немъ говорится языкомъ пановъ, языкомъ шляхты, а подражаніе людямъ стоящимъ

выше насъ, всегда было и будетъ характеристическою чертою рода человѣческаго, но по удаленіи изъ костела языка пановъ, уже не за чѣмъ будетъ ходить туда простолюдину. О вліяніи же музыки и органоу, могутъ говорить только вновь пріѣзжіе, для которыхъ это новизна. Такъ на примѣръ въ Петербургѣ мы видѣли многихъ иностранцевъ пріѣзжихъ изъ заграницы, которые первое время постоянно посѣщали православныя церкви, увлекаясь пѣнопѣніемъ; все это правится какъ новость, но она продолжается не долго, а за тѣмъ уже не имѣетъ ни малѣйшаго интереса, тѣмъ болѣе теперь, когда въ приходскихъ православныхъ церквахъ составляются свои изрядные хоры пѣвчихъ.

Къ тому же прошедшее доказало намъ, какое слабое вліяніе имѣетъ католицизмъ на православіе. Въ теченіи послѣднихъ трехъ столѣтій, православные, а тѣмъ болѣе уніаты были не только безъ защиты, но отданы въ жертву фанатическому католическому духовенству, дворянству и іезуитамъ, а много ли совратилось? мы видимъ нѣсколько древнихъ, русскихъ дворянскихъ фамилій, оставившихъ православіе не изъ за органоу и музыки, а потому что польскій католицизмъ сближалъ ихъ съ королемъ и знатными панами Польши, нѣсколько дворовыхъ, которые въ угожденіе своимъ господамъ крестили своихъ дѣтей по католическому обряду; крестьяне же никогда не переходили въ католичество, а между тѣмъ все католическое населеніе весьма охотно посѣщало уніатскія церкви и крестило въ нихъ своихъ дѣтей, теперь присоединяемыхъ къ православію, такъ что въ общей сложности прозелитизмъ былъ болѣе на сторонѣ православія и число православныхъ и уніатовъ не уменьшилось, а значительно увеличилось при польскомъ владычествѣ. Какъ же думать осовращеніи въ католичество теперь, когда православная Россія сознавъ свое высокое назначеніе и свою обязанность въ отношеніи исторіи, стала твердою ногою на родной себѣ западной окраинѣ.

Наконецъ противники введенія государственнаго языка въ католицизмъ, требующіе непосредственнаго присоединенія